

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Колодко Г. В. Куда идет мир: политическая экономия будущего.

*М.: Магистр, 2014. — 544 с.**

Монография видного польского экономиста Гжегожа Витольда Колодко посвящена анализу состояния экономической науки, политики и проблемам будущего мирового развития. Г. В. Колодко получил мировую известность как успешный реформатор польской экономики на посту вице-премьера и министра финансов правительства Польши в 1994–1997 и 2002–2003 гг.

Почему экономисты так часто оказываются неправы

Так называется первый из трех разделов рассматриваемой монографии. Автор рассматривает два ключевых аспекта затрагиваемой проблемы. Первый связан с влиянием различных идеологий на формирование экономических доктрин; второй — с изменчивым характером природы объекта экономических исследований.

Автор объясняет «случаи поразительных различий в экономических прогнозах» тем, что «спор об истине в экономике особенно труден из-за того, что сталкиваются противоположные интересы» (с. 20). Позиции исследователей, защищающих интересы крупного капитала и труда, не могут не быть противоположными, когда обостряется проблема распределения доходов из-за плохо регулируемого рыночного хозяйства. Например, в США 1% населения с самыми высокими доходами присвоил 90% прироста ВВП за 2010–2013 гг. (с. 484). Весьма симптоматично, и это отмечается в монографии (с. 485), что ведущий представитель неolibерального течения экономической мысли, лауреат

Нобелевской премии Р. Лукас сознательно искажает значение исследования проблемы распределения доходов. В статье о прошлом и будущем промышленной революции он писал: «Среди тенденций, вредных для подлинной экономической науки, вызывающих особый соблазн, я считаю наиболее опасным сосредоточение на вопросах распределения»¹.

Второй источник ошибок в диагностике и прогностике — эволюционный характер механизмов экономических процессов. Наука, утверждает Колодко, — это не совокупность знаний, «это, скорее, процесс прибавления к уже имеющимся запасам нового знания... о производстве, распределении и потреблении, о функционировании рынков и семейных хозяйств, о законах, что правят развитием и застоём народно-хозяйственных комплексов и всей мировой экономики» (с. 19–20). Развитие экономической науки, ее способность предвидеть будущие условия хозяйственной деятельности польский профессор связывает с более глубоким изучением «механизмов и силы воздействия процессов, ведущих к будущим состояниям» (с. 478).

Становление экономической науки, по мнению Колодко, зависит от формулировки целей хозяйствования. «Нет экономики без ценностей. Ценности — это человеческие (индивидуальные, семейные, групповые, социальные, национальные, цивилизационные) идеалы, чаяния и устремления. Они через систему мотиваций оказывают влияние на принимаемые решения» (с. 33).

Далее автор пишет об интенсивном изменении системы ценностей во вре-

* Рецензия подготовлена в рамках исследования, выполненного по гранту РГНФ № 14-02-00330 «Кризисы и прогнозы в свете теории длинных волн».

¹ Lucas R. The industrial revolution: Past and future. 2003 Annual report essay. Minneapolis: Federal Reserve Bank of Minneapolis, 2004. P. 19.

мени и пространстве, о радикальной смене ценностей в странах Центральной и Восточной Европы после 1989 г., о «времени масштабной цивилизационной переоценки» в начале третьего тысячелетия (с. 33). При таком изменении ценностей, в том числе из-за перехода от системы централизованного планирования к рыночному хозяйству, следует трансформировать и регулирование экономических процессов. Особая роль в этом принадлежит государственному бюджету.

Необходимость регулировать рыночное хозяйство средствами фискальной политики — налогами, бюджетными трансфертами, государственными расходами — не только широко признана, но и все больше практикуется, что вызвано, как утверждает автор, расширением сферы социальной защиты и увеличением финансирования образования, здравоохранения и инфраструктуры (с. 43, 164–165, 192). Налоги — это поле постоянного столкновения интересов. «О них, как о любви, — пишет Колодко, — можно (говорить) без конца» (с. 187).

Автор выступает с критикой крайних взглядов на роль государства в экономике. Наибольшее внимание он уделяет осуждению неолиберального течения экономической мысли, отстаивающего идею «маленького» государства, ослабление правительственного контроля над финансовыми рынками и снижение налогов, чтобы облегчить хозяйственную деятельность, даже если это ведет к усилению неравенства в распределении доходов. Критика неолиберальных школ экономической мысли со стороны автора подчас излишне прямолинейна. Например, постулат, что «более низкое налогообложение ускоряет рост экономики и в долгосрочной перспективе улучшит материальное положение если не всех, то почти всех», он называет неправильным (с. 43).

Предвзятость автора в оценке консервативных взглядов особенно заметна, когда он переходит к критике крайне левых убеждений. «Ошибаются или лгут, — пишет он, — кто излишне упорствует в своем эгалитарном негодовании во имя плохо понятого социального равенства, которое может оказаться вредным для накопления капитала и экономического роста» (с. 43). Кроме того, сам Колодко допускает возможность сокращения масштабов государства, то

есть эволюции в сторону «маленького» государства, путем передачи части государственных функций частному сектору и рационализации государственных расходов (с. 189–190).

Автор рассматривает две противоположные гипотезы влияния глобализации на долю государственных расходов в ВВП — эффективности и компенсации (с. 164–165). Согласно первой, глобализация и открытие стран для внешнеэкономических связей обостряют проблему повышения конкурентоспособности. Для роста эффективности требуется «больше рынка и меньше государства». Концепция эффективности соответствует духу англосаксонской модели капитализма.

Концепция компенсации предполагает обратные зависимости. Обосновывается необходимость повысить государственные расходы для усиления конкурентных позиций. Имеются в виду расходы на человеческий капитал, на научные исследования и разработки (НИР) и, можно добавить, на инфраструктуру. Учитываются также социальные расходы для защиты населения от негативных последствий глобализации, «от повышенного риска экономической либерализации в наднациональном масштабе» (с. 165).

Очевидно, что симпатии автора на стороне капитализма с человеческим лицом, который олицетворяют развитые страны Западной Европы, придерживающиеся наиболее продвинутой концепции социального рыночного хозяйства. Они отличаются более высокой долей налогов и государственных расходов в ВВП, чем страны англосаксонской модели, и соответственно меньшей неравномерностью в распределении доходов. «Где меньше неравенства, там выше уровень удовлетворенности жизнью» — таков лейтмотив монографии (с. 45).

Среди стран с высокими доходами и наименьшими различиями в их распределении, что выражается в низких значениях коэффициента Джини (от 0,228 до 0,252), в монографии названы Дания, Швеция, Бельгия, Норвегия и Нидерланды. В англосаксонских странах наблюдается большая неравномерность в распределении доходов. Коэффициент Джини находился в пределах от 0,312 до 0,372, судя по данным Австралии, Великобритании и США (с. 47).

Роль государственного бюджета в снижении неравномерности распределения доходов в монографии показана на примере Бельгии и США. Первоначальное распределение доходов (до их перераспределения государством), выражаемое брутто-коэффициентом Джини, у Бельгии и США было равно 0,48. В Бельгии расходы государственного бюджета составляли 51,2% ВВП, а в США — 36%. За счет государственного бюджета коэффициент Джини снизился в Бельгии почти в 2 раза, до 0,25, а в США сократился меньше чем на $\frac{1}{4}$, до 0,372, то есть стал в 1,5 раза больше, чем в Бельгии (с. 48).

В развернутой оценке качества жизни, применяемой ОЭСР, включающей до 12 различных показателей, величине дохода и его распределению отводится более скромная роль. В результате, например, в Бельгии и США доля населения, удовлетворенного жизнью, в обоих случаях составляет 83%. Располагаемый душевой годовой доход в США (38 тыс. долл.) в 1,4 выше, чем в Бельгии, а неравномерность распределения доходов в 2 раза больше. Степень неравномерности распределения в статистике ОЭСР определяется путем сравнения 20% населения с самыми высокими и самыми низкими доходами. В Бельгии разница составляла 4 раза, а в США — 8 раз.

В другой паре стран — Швеции и Великобритании — доля населения, удовлетворенного качеством жизни, в обоих случаях составила 85%. При практически одинаковом располагаемом душевом доходе (26,2 и 26,9 тыс. долл.) разница в коэффициентах распределения была существенной (выше 4 и 6). Самая высокая доля населения, удовлетворенного качеством жизни, зафиксирована в Дании — 89%. При этом в ней самый низкий доход (24,7 тыс. долл.) среди пяти названных западно-европейских стран, а коэффициент неравномерности превысил 4.

Не менее значимо сравнение России и Словении. Россия уступала Словении по уровню располагаемого душевого дохода: 15,3 тыс. против 26,2 тыс. долл. Разница в коэффициентах неравномерности велика — 9 против 3. Но при этом доля удовлетворенного жизнью населения была выше в России: 74 против 72% в Словении². Приведенные данные могут

свидетельствовать о том, что умеренные различия в распределении доходов не оказывают решающего влияния на качество жизни. Это, однако, не исключает потенциальную угрозу социального взрыва в случае резкого усиления неравномерности распределения доходов.

Колодко настаивает на необходимости усилить роль государства в трех областях: «направление ресурсов, перераспределение доходов, макроэкономическая стабилизация» (с. 173). Глобализацию, оказывающую сильное влияние на социально-экономическое развитие, необходимо регулировать, утверждает он. В монографии речь идет о том, как «придавать спонтанным экономическим процессам такое направление, чтобы их результаты служили как можно более широкому кругу людей» (с. 175).

Автор считает, что для развитых стран повышение уровня удовлетворенности жизнью имеет приоритет перед увеличением ВВП на душу населения. Представляется, что даже для них такой вывод не безупречен. Применительно к остальным странам очень важен источник экономического роста.

В России наращивание ВВП за счет добычи углеводородов и их сбыта на внешних рынках неизбежно ведет к усилению неравенства в распределении доходов, поскольку добычей и экспортом углеводородов занимаются 1–2% рабочей силы. Ситуация с распределением доходов улучшается, когда рост базируется на развитии обрабатывающей промышленности и связанных с ней отраслей услуг.

Большой удовлетворенности жизнью за счет уменьшения неравенства доходов, возможно, достичь легче, чем повысить темпы экономического роста. Возникает вопрос: как совместить обязанность развитых стран снизить темпы роста ВВП, о которой пишет автор, чтобы расчислить поле догоняющего развития для остальных стран, с задачей повышения конкурентоспособности в условиях глобализации и обострения конкуренции со стороны крупных развивающихся экономик?

«В будущем мире должно хватить места для экономического роста эмансипирующихся обществ. Для того чтобы так было, богатые страны должны резко затормозить, а вслед за ними и весь мир пойдет по тропе более медленного,

² OECD better life index: Country reports. 2015.

чем это имело место в прошлом, роста производства» (с. 258). Такое изменение экономической политики, как считает Колодко, позволит «снизить уровень конфликтности, заложенной в современной фазе глобализации» (с. 146). В противном случае возможно «переорождение уже довольно напряженной ситуации в открытый конфликт с далеко идущими последствиями» (с. 258).

Вывод о необходимости переориентировать экономическую науку, а вслед за ней — и экономическую политику с проблем ускорения роста на проблему снижения неравномерности распределения доходов автор характеризует как осуществившийся поворот в мировой экономической науке. «В своем развитии экономическая наука описала своеобразный интеллектуальный круг и после периода явного крена в сторону математики вновь обратилась к философии, конкретно — к этике» (с. 100).

Сегодня очевидно, что многие развитые западно-европейские страны не выдерживают конкуренции, обострившейся благодаря глобализации в XXI в.³ Вынужденное замедление роста негативно сказывается на уровне благосостояния основной части населения. В этом свете, в рамках «честной экономической науки», симптоматично уточнение автора о необходимости сглаживать неравномерность распределения доходов, пока это «не вредит эффективности, конкурентной борьбе, росту или даже способствует им» (с. 46).

На самом деле рост богатых стран уже замедляется из-за конкуренции со стороны крупных развивающихся экономик, где отдача вложений в основной капитал существенно выше и куда идет поток прямых инвестиций из развитых стран. Например, в Китае в 2000-е годы, до Великой рецессии, норма отдачи капиталовложений была более чем в 2 раза выше, чем в США (28,1 против 11,0%). В дальнейшем разница стала более чем трехкратной (19,9 против 5,8%)⁴. В указанные периоды норма вложений

в основной капитал в Китае повысилась с 38,4 до 44,2% ВВП, а в США снизилась с 22,3 до 19,1%⁵. В долгосрочной перспективе негативными факторами экономического роста США (как и других развитых стран) могут стать сокращение продолжительности рабочего времени в расчете на душу населения, а также уменьшение возможностей наращивать человеческий капитал за счет увеличения числа лет на получение среднего и высшего образования⁶.

Колодко считает объективно неизбежным снижение темпов роста мировой экономики из-за обостряющейся нехватки природного сырья (с. 264). В то же время в монографии приводятся данные о кардинальном снижении материалоемкости производства. При 20-кратном увеличении реального дохода развитых стран в XX в. материальный продукт в физическом измерении весил в конце столетия столько же, сколько в начале (с. 267).

Наряду с объективно вынужденным снижением темпов роста автор выделяет субъективно востребованное замедление роста богатых стран ради обеспечения бесконфликтного развития всего мира (с. 264). «Слишком быстрый рост может угрожать полной потерей равновесия» (с. 258). В ближайшие 50 лет, как утверждает в монографии, следует ожидать прироста мирового продукта на душу населения в среднем не более чем на 2% в год. Это гораздо выше, чем в период с 1820 по 2000 г. (с. 261). Согласно данным А. Мэддисона, за указанный период — 180 лет — он составил 1,2%⁷.

В целом представленные автором тезисы о том, какими должны быть экономическая наука и экономическая политика в современном мире, показывают, что действительное положение далеко от идеала. Это связано со столкновением противоречивых или даже противоположных интересов на национальном и международном уровнях. Кроме того, автор явно недооценивает, насколько обострилась международная конкуренция

³ Акаев А. А. От эпохи великой дивергенции к эпохе великой конвергенции. М.: Ленанд, 2015. С. 160–162

⁴ Формулу расчета нормы отдачи капиталовложений см. в: Клинов В. Г. Актуальные проблемы исследования экономической конъюнктуры. М.: Магистр, 2013. С. 11, 15.

⁵ World development indicators database / World Bank, 2015.

⁶ Капелюшников Р. Идея «вековой стагнации»: три версии // Вопросы экономики. 2015. № 5. С. 131.

⁷ Maddison A. The world economy historical statistics. Paris: OECD, 2003. P. 262.

и изменились в результате этого механизма процессов, формирующих будущее.

Задачи и проблемы будущего мирового развития

Задачи мирового развития в монографии связаны с обеспечением роста, сбалансированного в трех отношениях: экономическом, социальном и экологическом (с. 421). Они во многом напоминают принципы устойчивого развития, сформулированные на Всемирной конференции в Йоханнесбурге⁸. Рассмотрению соответствующих задач и проблем посвящен второй раздел монографии «Угрозы и шансы — чего больше?».

Из текста монографии следует, что сбалансированное развитие в экономическом отношении означает, что соотношение темпов роста ВВП национальных экономик должно способствовать их движению в направлении конвергенции, сближения размеров ВВП на душу населения. Социальная сбалансированность подразумевает сглаживание различий в распределении дохода. Экологическая ситуация требует снизить расход природных ресурсов на единицу ВВП, заместить невозобновляемые ресурсы воспроизводимыми и уменьшить отрицательное воздействие хозяйственной деятельности на окружающую среду.

Интегрированный индекс успеха (ИИУ) стран в решении задач сбалансированного развития, предложенный Колодко, дает представление о том, какой вес он придает отдельным факторам движения к этой цели. ИИУ на 40% определяется размером ВВП на душу населения, по 20% приходится на три сферы: 1) уровень и перспективы субъективной удовлетворенности жизнью, в том числе уровнем социальных услуг; 2) оценку состояния окружающей среды; 3) оценку свободного времени и заполняющих его культурных ценностей (с. 470).

Колодко сформулировал 12 Великих проблем будущего, от решения которых зависит приближение к сбалансированному развитию (с. 203–205). Несколько лет назад он поставил на первое место проблеме темпов и границ экономического роста, что соответствует господствующим представлениям в области экономичес-

кой политики. Ныне узловую проблему хозяйственной динамики польский профессор передвинул на пятую позицию. Идеино-моральный кризис, который переживает мир, отсутствие регулирования глобальной экономики побудило его выдвинуть на первое место (со второго) проблему эволюции ценностей и их культурного влияния на процессы развития. Этот кризис, по мнению автора, требует «прагматично улучшать ситуацию в экономике, чтобы новым и добрым, то есть передовым идеям, облегчать выход на поверхность» (с. 223). К прагматичному подходу Колодко обращается, чтобы доказать неспособность господствующего неолиберального течения англосаксонской экономической мысли дать рецепты решения наиболее острых социально-экономических проблем современности.

Вторая проблема в обновленном списке Колодко — институционализация глобализации как альтернатива нарастающей нехватке координации и хаосу (с. 224). Автор занимает реалистичную позицию, отмечая, что «миром править невозможно ни демократически, ни авторитарно... Влиять на то, что и как в нем происходит, — можно» (с. 227). Автор имеет в виду выработку регулятивных решений, касающихся контроля и надзора, стандартов и норм.

В качестве наиболее перспективного международного форума для формирования институтов, регулирующих социально-экономическое развитие, автор выделяет «Большую двадцатку», которая «сама должна солидно институционализироваться и внутренне организоваться» (с. 230). Как представляется, согласованное движение мира в сторону конвергенции, при котором темпы прироста ВВП на душу населения должны быть тем выше, чем беднее страна, невозможно без принятия обязательных решений на международном уровне.

Далее в числе Великих проблем будущего рассматриваются вопросы формирования и развития региональных интеграционных объединений и их значение для регулирования глобализации (3-й пункт), роль неправительственных организаций, особенно в странах, где идет интенсивный процесс разгосударствления экономики (4-й пункт), социальные и экологические границы роста (5-й пункт). Также в монографии значительное внимание уделено проблемам

⁸ Йоханнесбургская декларация по устойчивому развитию. ООН, 2002.

истощения природных ресурсов и соперничества за доступ к их эксплуатации, демографии и миграции населения, бедности и социального неравенства, вопросам научно-технического характера, а также политическим конфликтам, проблеме войны и мира.

Формирование и развитие интеграционных объединений во многом облегчают регулирование процессов глобализации. В частности, «поиск компромиссных решений будет более быстрым, поскольку параллельно будут вестись дискуссии как внутри интеграционных объединений, так и между ними» (с. 236). Выработка решений по регулированию процессов глобализации требует меньше издержек и времени при переговорах между интеграционными объединениями, чем в случае международного диалога по модели «все со всеми».

Конкуренция за обладание истощающимися ресурсами Земли, возможно, самая большая из числа сформулированных Колодко Великих проблем, хотя в его списке она значится шестой. Здесь, в частности, представляют интерес выкладки автора относительно обеспеченности мира пресной водой. На 9 стран приходится 60% мировых запасов. В 6 из них вода находится в изобилии: в Бразилии, Колумбии, Канаде, Конго, России и Индонезии. Неплохо обеспечены водой США, а плохо — Индия и Китай. В последних двух проживает 36% населения планеты, а воды — только 10% мировых запасов (с. 275).

Другой пример крайней неравномерности распределения природных ресурсов связан с редкоземельными элементами. В Китае находится 35% разведанных и 97% эксплуатируемых их месторождений (с. 284). Фактическая монополия одной страны неблагоприятно сказывается на ценах на редкоземельные металлы. По заявлению Торгового представителя США М. Фромана, американские производители были вынуждены платить в три раза больше, чем китайские, за аналогичные редкоземельные элементы⁹.

Особую напряженность в международных отношениях может вызвать соперничество в доступе к месторождениям

углеводородов. «В будущем надежды на разрядку напряженности в снабжении мировой экономики энергией можно будет возлагать на замещение невозобновляемых ресурсов энергии возобновляемыми (источниками)» (с. 284). В случае многих других сырьевых товаров, по мнению автора, такого выбора нет.

В настоящее время население мира увеличивается на 78 млн человек в год (с. 303). Проблема в том, что численность населения в основном увеличивается за счет бедных и особенно беднейших стран. Отсюда массовая конфликтогенная миграция населения в международном масштабе. Уже больше 200 млн человек живут не в стране своего происхождения (с. 152, 326). Вывод Колодко: «Если богатый мир хочет избежать нашествия из бедных стран, он должен на деле... в программном и финансовом отношении поддержать устремления эмансипирующихся экономик» (с. 329–330).

Проблема научно-технического прогресса (НТП) занимает в монографии лишь девятую позицию в перечне Великих проблем. Автор объясняет это тем, что многое зависит от управления НТП, от экономической политики и умения решать международные проблемы в условиях глобализации. «Миром будет править не только техника с ее физическими возможностями, а прежде всего люди с их гуманитарными ценностями и способностью управлять. Технический прогресс поможет решить массу проблем, но наверняка не все, потому что многие из них лежат вне сферы его действия» (с. 362).

Умение управлять означает способность решать проблемы, порождаемые негативными последствиями НТП, которые в будущем «могут оказаться более серьезными, чем это было до сих пор» (с. 362). Управление НТП означает и распределение усилий в области НИР. Колодко отмечает возрастающее значение генной инженерии и биотехники в целом, на которую возлагают большие надежды в борьбе с наиболее опасными болезнями и в модернизации сельского хозяйства. «Без введения в хозяйственный оборот генетически модифицированных организмов... невозможно прокормить 9 млрд человек» (с. 363). Прогресс в электронике, по мнению автора, зависит прежде всего от достижений в области программного обеспечения и совершенствования элементной базы (с. 364).

⁹ Heilprin J. US claims victory in trade dispute with China // Associated Press. 2014. March 26.

Что касается движущих сил НТП, то, как отмечается в монографии, «промышленная революция происходит главным образом на территории высокоразвитых стран. ... В результате вездесущей глобализации она дает о себе знать во многих других местах мира. Быстрота распространения (новой техники) — это еще одно отличие современной технической революции от двух предыдущих» (с. 370).

Особое значение для развития НТП, как подчеркивается в монографии, имеет обрабатывающая промышленность. Ей принадлежит ведущая роль в технической модернизации всех отраслей экономики. В США на обрабатывающую промышленность, доля которой в ВВП составляет 11%, приходится 68% расходов на НИР (с. 373).

Быстро возрастает значение ИКТ. В частности, Интернет в конце 2000-х годов способствовал созданию 8% ВВП Великобритании. Следующие места по этому показателю занимали Южная Корея, Китай, Япония, США, Индия и Австралия. Величина интернет-сектора в 20 самых больших экономиках может удвоиться (с. 402).

В монографии рассмотрена проблема изменения соотношения экономической мощи крупнейших развитых и развивающихся стран. Автор предвидит неизбежное существенное замедление роста Китая через одно, а Индии — через два — три десятилетия (с. 443, 448). Согласно наблюдениям Колодко, пороговым значением для перехода к более низким темпам прироста выступает величина ВВП в расчете на душу населения 16 740 долл. по ППС в ценах 2005 г., или примерно 20 тыс. долл. в ценах 2013 г. (с. 444).

В Южной Корее обозначенный порог был достигнут в 1997 г. В течение предыдущих 7 лет ВВП на душу населения прирастал в среднем на 5,6% в год, а в последующие 7 лет — на 2,5%. Австралия достигла порога в 1969 г., соответствующие показатели прироста до и после составляли 3,9 и 1,6%. В Японии показатели до и после 1968 г. равнялись 8,7 и 5,0%; в Испании до и после 1990 г. — 3,8 и 1,6%; в Австрии до и после 1974 г. — 4,9 и 2,2% (с. 444).

Дело, по-видимому, не в мистической пороговой цифре, а в том, что по мере исчерпания притока дешевой рабочей силы за счет урбанизации или ограничения

иммиграции повышается цена труда¹⁰. Соответственно расширяется круг производств, которые для поддержания конкурентоспособности более продвинутой страны находят выгодным перемещать в менее развитые с более дешевыми трудовыми ресурсами. Такая эстафета передается от развитых стран догоняющим их развивающимся странам, освобождая поле экономического развития для беднейших экономик. Следовательно, тенденция конвергенции заложена в механизме развития в эпоху глобализации. Это, конечно, не освобождает развитые страны, по мнению автора, от морального долга содействовать ускорению социально-экономического развития беднейших экономик. Вопрос в том, когда политики развитых стран осознают, что в их собственных интересах, в том числе по соображениям безопасности, способствовать интенсификации процесса конвергенции.

Как уйти вперед

В этом заключительном разделе автор затрагивает наиболее сложную проблему современного развития: как сочетать заботу о национальных интересах с интересами развития всего человечества? Колодко называет это «новым прагматизмом», или «экономикой умеренности». «Если мы хотим, чтобы мир будущего был мирным и в меру гармоничным... необходим прагматизм... выходящий из системы ценностей, которая способствует глобализации, социальной сплоченности и сбалансированному развитию» (с. 457).

Автор утверждает, что «экономический рост имеет более устойчивый характер в странах с относительно низкой степенью неравномерности в распределении доходов» (с. 458). В доказательство этого тезиса он приводит данные за 1960–1995 гг., когда норма инвестиций в двух группах развитых стран, придерживающихся различных моделей капитализма, была примерно одинаковой — соответственно 20,7 и 20,5% ВВП. В первом случае имеются в виду страны

¹⁰ По мере повышения собственного технического уровня снижается эффект от привлечения иностранных научно-технических достижений, что также ведет к замедлению роста (с. 446).

с «маленьким» государством (его участие в перераспределении национального дохода находится на уровне примерно 30% ВВП), которые поэтому отличаются большей неравномерностью в распределении доходов. Второй показатель нормы инвестиций у стран с примерно 50-процентной долей государства в ВВП и меньшей неравномерностью в распределении доходов (с. 460–461). Иными словами, автор стремится доказать, что увеличение изъятия государством доходов у частного сектора в странах с социальным рыночным хозяйством не привело к уменьшению доли ВВП, направленной на инвестиции.

Здесь важен период, за который сравниваются две группы развитых стран. Названные годы характеризовались преобладающим господством развитых стран в мировой экономике, когда две модели развитого капитализма — англосаксонская и социально ориентированная рыночная — конкурировали между собой. После 1995 г. и особенно в XXI в. резко обострилась конкуренция со стороны крупных развивающихся стран, которая выявила большую уязвимость многих стран, придерживающихся второй модели.

Преимущества крупных развивающихся стран лишь отчасти связаны с возможностью распределять ресурсы на ранних стадиях индустриализации в условиях государственного капитализма. У него есть и негативные особенности. «Во всех типах рыночного хозяйства — но наверняка чаще в государственном, а не неолиберальном капитализме — ширится „клиентализм“, при котором государственное регулирование и правительственная политика выслуживаются перед политическими, бюрократическими и бизнес-кликами, вместо того чтобы корректировать недостатки рынка» (с. 476).

Обострение конкуренции поставило вопрос о необходимости реформировать обе модели развитого капитализма в области налогообложения, чему, к сожалению, в монографии не нашлось места. Социально ориентированная рыночная модель нуждается, помимо изменения системы налогообложения, в реформировании трудового законодательства, чтобы облегчить процесс увольнения и тем самым стимулировать перераспределение рабочей силы в новые отрасли производства. Необходима также

реформа социального законодательства, чтобы искоренить иждивенчество (когда пособие по безработице более привлекательно, чем зарплата неквалифицированных рабочих).

Реформа налогообложения, вопреки мнению Колодко, должна быть направлена не на снижение неравенства доходов, а на ограничение расточительства. Следует говорить об ограничении избыточного потребления, ибо именно кричащие различия в образе жизни раскалывают общество. Реформа налогообложения должна быть нацелена на усиление прогрессивности налогов не на доходы, а на покупку потребительских товаров и услуг в форме налогов на добавленную стоимость, акцизов и, возможно, импортных пошлин. В результате повысятся норма сбережений и норма вложений в основной капитал, в создание новых рабочих мест.

Последняя глава монографии носит название: «Ждет ли нас „хэппи энд“?». Отвечая на него, автор замечает, что всему когда-то приходит конец, и он не может быть счастливым. Выражая уверенность в том, что военного катаклизма не будет, Колодко не исключает возможность другого катаклизма, связанного с «прогрессирующим разрушением окружающей человека природной среды» (с. 482). Надежды на лучшее будущее могут быть связаны с опорой на знания, которые дают «честная экономическая наука и новый прагматизм» (с. 493). Лучшее понимание того, за что идет борьба, — это шанс для человечества избежать катастрофического развития событий.

* * *

В своей новой монографии Колодко рассмотрел многие проблемы, от решения которых зависит движение человечества к более комфортному будущему. В этом ценностью исследования, несмотря на то что некоторые его положения выглядят спорными. Особый интерес представляет аргументация в пользу необходимости наднационального регулирования глобализации для обеспечения мирового развития, сбалансированного в экономическом, социальном и экологическом отношении, для конвергенции национальных экономик.

д. э. н., проф. В. Клинов